

Проект «Разум»

ФАНТАСТИКА

Художник Е. Станикова

1

Сергей Васильевич Демьяненко не стал заезжать во двор, а попросил водителя остановиться напротив центрального входа.

Фасад Института биологии и медицины мозга был как новенький; рабочие-дорожники красили бордюры, работницы Зелентреста перекапывали газон и высаживали цветущие маргаритки, бетонщики убирали опалубку с крыльца и шлифовали ступени. От автобусной остановки тянулась вереница сотрудников: теперь им приходилось делать крюк, огибая газон, и проходить в институт по узкому дощатому настилу, заляпанному цементом. Сергей Васильевич окинул взглядом фронт незавершенных работ, посмотрел на часы и вздохнул: «Нет, не успеют!» Затем опасливо глянул в небо. Хотя синоптики обещали хорошую погоду, но, как известно, июнь славен неожиданными дождями. Сергей Васильевич вздохнул еще раз.

У входа сотрудники почтительно расступились, пропуская директора. Демьяненко придирчиво осмотрел работу бетонщиков («На три дня должно хватить, надо будет отдать приказ в эти дни пропускать сотрудников через второй КПП»). Поддерживающую козырек бетонную плиту украшала мозаика, символизирующая успехи науки. Только сейчас Демьяненко заметил, насколько она, эта мозаика, здесь неуместна.

Несмотря на начало рабочего дня, в приемной оказалось много народа. Не обратив ни на кого внимания, Сергей Васильевич сразу обратился к секретарше:

— Переводчицу прислали?

— Я переводчица, — отозвался с дивана мужчина лет сорока. На коленях он держал журнал «Экспериментальная нейрология», в руке — чашку кофе.

— Я просил девушку или молодую женщину.

— Могу уйти, — неторопливо отозвался переводчик, как человек, осознающий свою ценность.

— Японский хорошо знаете?

Переводчик улыбнулся и быстро заговорил. Похоже, он читал стихи. Понять что-либо, естественно, никто не мог, но быстрые интонационные переходы, странная мелодичность и теплота звуков захватили всех.

— М-да, — сказал Сергей Васильевич, после того как переводчик замолчал. — А терминологию знаете?

— Разберусь, — заверил тот.

— Ирочка, отправьте товарища в лабораторию к Петренко. Пусть пока вникнет в обстановку...

Ирочка сразу, еще до появления директора, оценила переводчика: немного полноват, но не от переедания, а от спокойной жизни; одет прилично, но без излишней строгости, примерно так, как, по ее представлению, одеваются обеспеченные холостяки. И на туфли Ирочка тоже обратила внимание: не новые, но хорошо начищенные. Это могло означать все, что угодно, в том числе следующее: владелец этих туфель больше заботится об удобстве своих ног, нежели о впечатлении, производимом на окружающих. И потом: просмотрев разложенные на столике в приемной журналы по меди-

цине, цитологии, неврологии и биологии, переводчик удивился:

— Неужели есть люди, которые читают это в ожидании приема?

После таких слов привередливая Ирочка и предложила гостю кофе из своих личных запасов. Ну а вскоре появился директор и в конце концов распорядился «отправить товарища в лабораторию к Петренко».

Отправить можно разными способами. Ирочка предпочла наилучший: покинула свой пост и лично повела переводчика. По пути они и познакомились.

— Яшин Михал Михалыч, — представился он. — Или просто Миша.

— А откуда японский так хорошо знаете?

— Семь лет прожил в Японии.

— И чем вы там занимались?

— Угадайте!

— Журналист?

— Нет.

— Дипломат?

— Нет.

— Ну, не знаю... Какой-нибудь торговый представитель?

— Никому не скажете? Обещаете? Разведчик!

— Ой, шутите? А серьезно?

— Серьезно? Ладно. Я моряк. Был представителем флота в японских портах.

Ирочка метнула на Михал Михалыча вполне заинтересованный взгляд. А не пригласить ли нового знакомого домой, позвать подруг, чтобы потом хвастаться Яшиным, как невиданной диковинкой? Но через пять минут они пришли в лабораторию, и там Ирочка передала Яшина на попечение молодого человека по имени Саша.

Переводчик огляделся. Что ж, типичная биологическая лаборатория, как он себе ее представлял: шкаф с медицинским инструментом, длинные ряды пробирок и реторт, микроскопы, полки с химическими реактивами, ящики с препаратами, спиртовка, холодильник и несколько приборов неизвестного назначения. Правда, в комнате ощущался запах зверинца. Помимо календаря с полуобнаженной красоткой, стенку над одним из столов украшал карандашный портрет. Изображенный на нем человек был похож на Демьяненко. Не хватало только усов.

— Директор? — Яшин кивнул на портрет.

— Это Юра, — близоруко прищурился Саша и поправил съехавшие к кончику носа очки.

— А кто такой Юра?

— Неолитический человек.

Слово за слово, Яшин разузнал от лаборанта подробности. Более двадцати лет назад в Магаданской области, в районе поселка Кадыкчан, из слоя вечной мерзлоты случайно извлекли останки человека. Сначала решили, что это какой-то эск, вызвали милицию, но среди старателей нашелся грамотный мужик, сообразивший что к чему, и потому обратились уже к археологам. В общем, сей древний человек, ко-

торый жил в ледниковый период и, спасибо, неплохо сохранился, вошел в науку под именем старателя, его откопавшего, Юра. Кем он был — охотником, воином, вождем племени или шаманом? Однако академик Тертинский своим авторитетом утвердил мнение, что был он охотником на мамонтов. Портрет Юры составили судмедэксперты, а появился он здесь еще в те времена, когда Демьяненко был лишь мэнээсом и работал в этой лаборатории.

Далее Саша совсем перестал стесняться переводчика и показал макак-резусов, которые обитали в вольерах в соседней комнате. Их было две группы. Одну, контрольную, составляли обычные макаки, вторую — генетически измененные.

— Мы взяли участок седьмой хромосомы Юры и трансплантировали его в геном обезьян. Это гены, ответственные за формирование абстрактного мышления.

— Ух ты! И они поумнели?

— Еще как!

— А почему нельзя было взять материал от современного человека?

Саша наморщил лоб:

— Я точно не знаю... Вроде бы со времен неолита человек изменился, в том числе генетически. Нужны были гены, близкие к первичным.

— Что это значит?

— Нужен был именно древний человек, то есть дикарь, не затронутый цивилизацией. Сергей Васильевич считает, что цивилизация отключила одни механизмы естественного отбора и запустила другие. Хоть отличие еще не очень сильное, но оно есть. Кажется, так. — Саша смущенно улыбнулся.

— Ладно, это я понял. А почему макакам, а не, допустим, шимпанзе?

— Это я могу объяснить. Для чистоты эксперимента важно, чтобы виды отстояли друг от друга достаточно далеко. У человека и шимпанзе девяносто восемь процентов общих генов. У шимпанзе и так развитый интеллект, есть обезьяны, владеющие даже языком глухонемых, если их этому научить, разумеется. А вот повышение интеллекта у макак заметить и доказать легко.

— А дальше?

— Добавлять новые гены. У нас в планах стоят гены, отвечающие за творческие способности.

— А потом?

— Ну, не знаю... Создание нового разумного существа.

Яшин скептически хмыкнул. Саша извинился и сказал, что ему необходимо накормить обезьян. Рацион удивил Яшина. Если первая группа макак, контрольная, получила горох, капусту, бананы и семечки, то вторая, вдобавок к перечисленному, — собачий корм.

— А это зачем?

— Обезьяны второй группы нуждаются в мясной пище.

Оказалось, это поняли случайно. Из клеток соседней лаборатории разбежались крысы, и несколько грызунов залезли к макакам. В первой группе они благополучно лакомились остатками обезьяньего обеда, а во второй сами стали обедом.

— Этот факт имеет какое-то объяснение?

Саша пожал плечами:

— Насколько мне известно... только то, что хищники, в общем, должны быть умнее травоядных.

В этот момент раздался телефонный звонок. Ирочка просила привести Михал Михалыча в приемную.

2

Оониси мал ростом и на фоне высокого и полного Демьяненко выглядит мальчиком. Пожимая руку директору, гово-

рит, что с большим удовольствием читал его статьи в «Brain medicine review» и «The Lancet». Однако после церемонных поклонов и приветствий японским гостем полностью завладел переводчик. И это понятно, поскольку предстоит экскурсия по городу.

Вот Благовещенский собор, построенный в честь победы русского оружия в войне 1812 года. Переводчик крестится на купола, а вслед за ним, к удивлению Демьяненко, крестится Оониси. После секундного замешательства Сергей Васильевич тоже крестится, бегло и неумело... Вот памятник героям революции, в просторечии за свою форму называемый «холодильником». Японец смеется... Вот здание, в котором неизвестно что сейчас находится, но на фасаде сквозь слои краски проступают буквы с ятями и твердыми знаками; это бывший Санкт-Петербургский коммерческий банк. Оониси вежливо кивает. Сергей Васильевич потеет, нервничает и сердится на переводчика. Всякие попытки вставить слово тот просто игнорирует... Потом гостя везут в ресторан «Встреча», который в городе называют не иначе как «Случайные связи».

И тут за обедом Демьяненко наконец удается завести деловой разговор. Директор рассказывает об успехах своего института, о перспективах, которые сулят его работы, жалуется на трудности с финансированием, надеется на сотрудничество с японскими коллегами. Говорит Демьяненко не спеша, специально для переводчика делая длинные паузы. Яшин переводит. Но кажется, что-то добавляет от себя, потому что его вставки занимают куда больше времени, чем нужно для простого перевода. Оониси внимательно слушает, улыбается и кивает. Это, судя по всему, вовсе не означает полного согласия. Традиционная японская вежливость, и только.

Финал трапезы, однако, разочаровал Сергея Васильевича.

— Оониси-сан просит прощения, — вдруг сказал переводчик. — Из-за разницы во времени он чувствует себя очень усталым и просит отложить визит в институт до завтрашнего утра.

После того как гостя со всеми церемониями отвезли в отель, Яшин спросил Демьяненко:

— Можете объяснить мне, что вы от него хотите?

— Вы еще не поняли? Обезьян видели? Нужны деньги на продолжение проекта.

— А родное государство?

— Родное не дает.

— И этот вряд ли даст.

— Надеюсь, вы ошибаетесь. Он сам меня нашел, сам.

— Вы раньше к кому-то обращались с просьбами о деньгах?

— Да. У нас были голландцы, американцы и арабы. Арабы уж было согласились, но в последний момент передумали. Теперь вот надежда на японцев.

— Если в вашем проекте он увидит практическую пользу, то, может быть, дело выгорит. Но лично я такой пользы не вижу.

— Прямой, то есть явной, пользы, конечно, нет. Сегодня. Но пользу можно извлечь в перспективе. Вот вы можете сказать, что такое человек?

— Человек — это голокожее двуногое животное. По Платону.

— С плоскими ногтями, забыли добавить!.. Вы знаете, что же все-таки отличает человека от других животных?

— Ну, пожалуй, — Яшин почесал затылок. — Цивилизация.

— Не совсем точно. Цивилизация — это вторично. Абстрактное мышление, язык и творческие наклонности!

— Насчет языка согласен. Об остальном готов поспорить.

— Не будем спорить. Сущность нашего проекта в том, что мы можем моделировать ранние стадии эволюции человека.

— Побойтесь Бога!

Вчерашней суеты возле института уже не было. Фиолетовые маргаритки составляли надпись: «Слава российской науке!» Стоянка сияла освеженной разметкой.

Оониси привезли, когда электронные часы на проходной показывали 9:03. По предложению японца сразу отправились в лабораторию — директор, переводчик и гость.

Завлаб Анатолий Андреевич Петренко, с которым Яшин накануне так и не познакомился, был одет более чем скромно: джинсы и рубашка, поверх старый халат с прорехами. Демьяненко глянул на завлаба неодобрительно, но, что делать, смолчал.

Тут же начался важный разговор. Яшин переводил. Перевод оказался далеко не простым для обеих сторон. Лишь в ходе беседы возникал новый термин, Петренко называл его английский эквивалент, Яшин обращался к Оониси, а тот говорил, как этот термин звучит по-японски. Часто Оониси и Демьяненко переходили на английский, но еще чаще мелькала латынь.

Конечно, речь шла о макаках с внедренным геном разума. У Петренко оказалась феноменальная память: он называл год, указывал шкаф, номер полки и номер страницы, а лаборант Саша сразу же находил нужный журнал и открывал на указанной странице. Демьяненко читал, Яшин переводил.

1985 год. Пять самок и один самец резусов приобретены в Сухумском обезьяньем питомнике. Сделано искусственное оплодотворение. В качестве донорского использовали генетический материал, выделенный из волоса человека, жившего пятнадцать тысяч лет назад. Из пяти родившихся выжили двое.

1987 год. Стадо макак-резус-Р (теперь их так называют) насчитывает уже восемь особей. После случая каннибализма обезьянам стали добавлять в рацион мясо. (Яшин при этом выразительно поглядел на Сашу и покачал головой, тот покраснел.)

1989 год. Обращено внимание: стоит одной обезьяне решить предложенную задачу, как остальные особи стада справляются с ней уже быстрее. Установлено, что количество сигналов в стаде увеличилось на два порядка. Обезьяны начали издавать множество новых звуков, в том числе всхлипывание, побряхтывание, причмокивание, сопение. Также возросло число жестов. Вот таким образом, комментирует Демьяненко, возник праязык.

1990 год. В стаде Р устанавливается твердая дисциплина. Видимого насилия со стороны вожака нет.

Хотите убедиться, улыбается японцу Демьяненко? И бросает десяток конфет в клетку к обычным макакам. Возникает всеобщая драка. А вот в клетке, где обитают макаки-Р, к конфетам подходит вожак и делит их между членами стада. Оониси в восторге. Он берет одну конфету и кидает ее в клетку к макакам-Р. Вожак съедает ее сам.

Теперь наступает очередь заранее подготовленной демонстрации. В прозрачный ящик с узким отверстием кладут яблоко. На полочке перед отверстием зажигают огонь. Но помимо этого, и тем, и другим обезьянам предлагают ведро с водой и ковш. Обычные макаки суетятся возле ящика, мешают друг другу, суют руки в огонь и вопят от боли и досады. Макаки-Р сразу находят решение: огонь потушен, яблоко извлечено из ящика. Вожак надкусывает его, а потом отдает одной из самок... В общем, журнал наблюдений содержит описание множества экспериментов разной сложности, где все говорит о том, что макаки-Р по разуму приблизились к человекообразным обезьянам.

Далее Оониси захотел ознакомиться с результатами анализов и вскрытий. В ход пошли препараты, срезы мозга, сним-

ФАНТАСТИКА

ки хромосом и прочие тонкости. Затем японец придирчиво изучал таблицы и диаграммы. Тут для Яшина, как для переводчика, начался настоящий ад: структуры мозга, лобные доли, полушарная асимметрия, глиальный индекс, sylvian fissure и так далее. Скорость перевода упала до предельно низкой. И Оониси окончательно перешел на английский язык...

Понятно, отобедать пришлось довольно поздно, хотя Яшин уж думал, что поесть им сегодня вообще не придется. Оониси-сан был молчалив, а после трапезы отказался возвращаться в лабораторию: он еще не адаптировался к разнице во времени и чувствует себя очень усталым. Однако просьба: предоставить все материалы по макакам-Р на английском языке; он обещает просмотреть их ночью, после того как отдохнет. И еще: он просит дать ему возможность самому придумать эксперимент для проверки разума обезьян Р.

4

На следующее утро, стоя перед клеткой, Оониси заинтересовался у Демьяненко (естественно, через переводчика):

— В ваших материалах я не нашел ни одного упоминания о том, как эти две группы макак относятся друг к другу.

— Что ж, — поморщился Сергей Васильевич, — мы делали такие опыты. Если макака-Р попадает в стадо обычных макак, то через некоторое время она достигает там высокого положения.

— А если наоборот?

— Обратный эксперимент интереса не представляет.

— Но вы это делали?

— Да, — нехотя признал директор.

— И каков результат? Макаки погибали?

— Да... Но откуда вы это взяли? — Сергей Васильевич удивленно глянул на Яшина и вполголоса спросил его: — Вы рассказали?

— Откуда мне знать об этом? Я только вчера ваших чертовых обезьян увидел!

Следующий вопрос директор адресовал уже лаборанту:

— Саша, ты говорил об этом?

— Нет, что вы!

Оониси тактично дождался окончания перешептывания между хозяевами.

— Я полагаю, — начал он, — что увеличение лобных долей ведет к росту потребности в белке. А недостаток белка в пище ведет к агрессивности.

— Драки, разумеется, бывают, но не больше, чем в контрольной группе. Правда, мы такой статистики не вели.

— В ваших материалах описаны случаи каннибализма. Вы ввели в рацион мясо. Я хочу, чтобы вы прекратили давать мясную пищу, а в клетку к группе Р посадили обычную макаку.

— Она погибнет. Если не сегодня, то через несколько дней, — признал директор.

Оониси не отреагировал и продолжил:

— Второй эксперимент, который я хотел бы поставить: убить вожака из клетки.

ФАНТАСТИКА

— У них будет новый вожак. И не исключено, что обезьяны начнут драться.

— Значит, я прав? Эти обезьяны, кроме разума, отличаются повышенной агрессивностью. Только сильный вожак держит стадо под контролем. Я хочу убедиться.

— Это общая черта всех приматов. Но коль вы хотите, пожалуйста! — развел руками директор. И затем обратился к завлабу: — Толя, принеси из первой клетки какую-нибудь обезьяну. Только старую.

Петренко поймал одну из обычных макак и посадил ее в клетку к макакам-Р. Реакция была мгновенной: те набросились на чужака. Визг, крики, хрипение. Жертва пыталась сопротивляться, но вскоре забилась в угол и только кричала от страха и боли.

Яшин дернул Демьяненко за рукав:

— Прекратите это! Хватит!

Саша схватил пластиковый шланг, подключенный к крану с холодной водой, и стал поливать обезьян. Те разбежались.

— Нет, я хочу видеть до конца! — потребовал Оониси. Яшин не стал переводить эту фразу, но ее смысл был всем предельно ясен.

— Достаточно! — повысил голос директор. — Толя, убери ее!

— Не волнуйтесь, я куплю у вас стадо.

Демьяненко оторопело глянул на японца и перевел взгляд на Яшина:

— Он не шутит?

— Нет.

— Тогда пройдемте в кабинет.

Ирочка уже ждала появления директора и его гостей. Она принесла чай, печенье и, поставив чашку перед Оониси, церемонно поклонилась, очевидно, подражая гейшам. Оониси был невозмутим.

— Итак, — продолжил беседу Демьяненко, отхлебнув чаю, — вы желаете приобрести наших обезьян? Но лично я хотел бы продолжить работу над проектом. Поэтому надеюсь, что при переносе проекта в Японию, мы сможем сотрудничать.

— Ваш проект, безусловно, интересен. Но, к несчастью, не актуален. Любой современный университет в силах повторить ваш опыт. Тем не менее сделанное вами доказывает высокий уровень науки в вашем институте. Наш фонд предоставит вам деньги и темы для исследований, интересующие нас. Но данный проект придется свернуть как неперспективный.

— Почему вы считаете его неперспективным?

— Позвольте не объяснять причину. — Тут Оониси вежливо улыбнулся.

— Тогда зачем вам наши обезьяны?

— Появление таких существ следует рассматривать как несчастье. Не думайте, что я хочу купить ваших обезьян ради их уникальности. Я хочу прекратить проект.

— Нет, мы не договоримся!

— Как хотите. Вам все равно, рано или поздно, придется уничтожить стадо. У вас нет денег на его содержание. Ваш эксперимент — тупик. Вы привили обезьянам разум охотников на мамонтов. Вы получили химеру. Мирное существо

вдруг стало каннибалом. Разум порождает насилие. Вот основной вывод вашего эксперимента. Случайность или это действительно так, не важно. Вы сами понимаете, что продолжать эксперимент бессмысленно.

— Мы моделируем раннюю эволюцию человека!

— Вы ошибаетесь. У человека, кроме разума, есть еще милосердие и терпимость. За этим тоже стоят гены. Но вы взяли не с того конца и не с тем материалом.

— Нет! Вы хотите сказать, что все эти годы мы работали зря?

— В науке ничего не делается зря. Но ваше исследование себя исчерпало.

Демьяненко насупил и после долгой паузы произнес:

— Извините за беспокойство. Но я не согласен на ваши условия.

— Какого черта?! — удивился Яшин. — Вам что, деньги не нужны?

— Послушайте, не вмешивайтесь! Ваше дело переводить.

Переводчик и не думал униматься:

— Я понимаю, что вы сами сделали этих обезьян, но неужели в вашем институте нет достойных проектов?

— Вы переводчик или директор института?

— Давайте так: я скажу ему, что вы хотите подумать и проконсультироваться с ученым советом.

— Что вы себе позволяете?

Но Яшин уже заговорил с Оониси, после чего перевел вердикт японца:

— Он говорит, что согласен подождать до вечера, поскольку завтра улетает домой. Но в любом случае с решением он вас не торопит. Если вы не надумаете сегодня, то в течение трех месяцев его предложение в силе.

— Послушайте! — рассвирепел Демьяненко. — В вашем контракте не сказано, что вы должны принимать решение за меня! Я подам в суд на ваше бюро.

— Вы мне еще спасибо скажете, — спокойно ответил Яшин. — Деньги другим способом вы не получите. Он готов дать, а вы еще комедию ломаете. Я бы на его месте и гроша ломаного за ваших обезьян не дал!..

От такой дерзости Сергей Васильевич Демьяненко тяжело задышал и проснулся.

«Тьфу, черт! — выругался он. — Привидится же такое!» Покачал головой и глянул на часы.

Было слишком рано, чтобы ехать в институт и встречаться с приезжающим сегодня японцем. Демьяненко поднялся с дивана, прошел на кухню и закурил, ожидая, пока закипит чайник.

